

Ю. С. Никифоров

Историки «русской школы» в эпоху Первой мировой войны (1914–1918 гг.)

Статья посвящена жизни и деятельности историков «русской школы» в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. В центре внимания находятся выдающиеся историки конца XIX – начала XX в. – П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский. Ключевая проблема исследования – «ученый в контексте мировой войны и мировая война в жизни историка». Методологическую основу исследования составляет антропологическая парадигма исторической науки. На примере представителей «русской исторической школы» рассматривается влияние мирового вооруженного конфликта на жизнь и творчество научного исторического сообщества. Анализируется восприятие и оценка учеными-историками событий 1914–1918 гг., влияние Первой мировой войны на повседневную жизнь историков, их научно-педагогическую и общественную деятельность, в том числе международную. Влияние глобальной войны на сообщество историков рассматривается в 3 главных измерениях: экзистенциальном, повседневном, творческом. Через анализ модели «русской исторической школы» в историко-типологическом дискурсе раскрывается бинарность проблемы историка в социокультурном контексте Первой мировой войны, а также типичность и уникальность научной школы на фоне мировой войны. В исследовании были проанализированы отдельные труды историков «русской школы», источники личного происхождения – мемуары, материалы периодической печати, а также историографические источники. Творческий, повседневный и экзистенциальный аспекты влияния Первой мировой войны на научное сообщество историков рассматриваются в страноведческой плоскости и в проблемном поле историографии.

Ключевые слова: Первая мировая война, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, научное сообщество историков, повседневность, творчество, историография, экзистенциальный аспект, контекст.

Yu. S. Nikiforov

Historians "Russian school" in the era of the First world war (1914–1918)

The article is devoted to the life and activity of historians "Russian school" during the First world war 1914–1918. In the center of attention there are outstanding historians of the late 19th century – early 20th century – P. G. Vinogradov, N. Kareev, M. M. Kovalevsky. The key problem of the study – "the scientist in the context of world war I and world war in the life of the historian". The methodological basis of the research is anthropological paradigm of historical science. For example, representatives of "Russian historical school discusses the impact of the global armed conflict on the life and work of the scientific historic society. Analyzes the perception and evaluation of historians events 1914–1918, the impact of the First world war on the everyday life of historians, their scientific and pedagogical and public activity, including international. The impact of the global war on community of historians of races is considered in three main dimensions: existential, everyday, creative. Through the analysis of the model of "Russian historical school" in historical and typological discourse reveals a binary problem historian in soziokultur-context of the First world war, as well as representative and unique scientific school on the background of the world war. The study analyzed the individual works of historians of the Russian school, the sources of personal origin – memoirs, periodicals, and historiographic sources. Creative, everyday and ek-sustantially aspects of the effects of the First world war on the scientific community of historians are addressed in country-vedicheskoy plane and in the problem field of historiography.

Keywords: the First world war, P. G. Vinogradov, N. I. Kareev, M. M. Kovalevsky, the scientific community of historians, everyday life, creativity, historiography, existential aspect, context.

Процесс профессионализации российской исторической науки в последней трети XIX – начале XX в. был тесно связан с социокультурным пространством пореформенной России [11]. Но не меньшее (и даже в определенном смысле более долговременное) влияние на российских историков оказывали и международные события. В год столетия начала Первой мировой войны представляется любопытным обратиться к бинарной проблеме, которую можно сформулировать

как «ученый в контексте мировой войны и мировая война в жизни историка».

Первая мировая война 1914–1918 гг., которая была известна в советской историографии как империалистическая [5], а на Западе как Великая война [18], оказала глубокое влияние на все сферы общественной жизни стран-участниц. Известные европейские историки напрямую соприкоснулись с войной. Некоторые из них принимали непосредственное участие в боевых действиях: французы М. Блок и О. Кошен (погиб в битве

на р. Сомме в 1916 г.), англичанин Р. Тоуни (ранен в битве на р. Сомме). Другие английские историки, «такие как Дж. Тревельян, Р. Сетон-Уотсон, Л. Нэмир, сотрудничали с военной разведкой и консультировали правительство» [13, с. 108]. В последнее время в современной российской историографии Первой мировой войне уделяется все больше внимания [1, 2, 10, 12, 14, 15, 16, 17].

В статье предпринята попытка изучить влияние мирового вооруженного конфликта на жизнь и творчество исторического сообщества на примере деятельности историков «русской школы» (П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского) в период Первой мировой войны. В силу профессиональной специфики историки наиболее живо откликнулись на события Первой мировой войны. В особенности это коснулось исследователей истории Западной Европы.

Пристального внимания требуют следующие аспекты влияния глобальной войны на сообщество историков:

– *личностно-экзистенциальный аспект*: восприятие и оценка учеными-историками событий 1914–1918 гг.;

– *повседневно-обыденный аспект*: влияние Первой мировой войны на повседневную жизнь историков, их общественную деятельность, в том числе международную;

– *творческий аспект*: отражение событий Первой мировой войны в творчестве историков, влияние войны на научно-педагогическую деятельность ученых-историков.

Обратимся к *личностно-экзистенциальному аспекту*. Важнейшим элементом для его изучения являются источники личного происхождения (в первую очередь, мемуары и воспоминания). Вот как М. М. Ковалевский отразил в воспоминаниях личное восприятие начала Первой мировой войны: «Я живу под свежим впечатлением внезапно развернувшихся событий, а они развиваются с головокружительной быстротой. Чудится наступающий упадок вековой культуры. Не пора ли припомнить, чем была эта культура в разных странах, в которых мне пришлось жить по годам. Не время ли также показать, в какой степени односторонность или недостаток самой этой культуры и подготовили тот ужасный катаклизм, среди которого живет Европа» [9, с. 47]. Как видно, для М. М. Ковалевского Великая война стала глубоким психологическим потрясением.

События первых дней мировой войны стали для историка не только личным шоком (его интернирование в Австро-Венгрии), но и своеобразным катализатором разрушения его мировоззренческой системы ценностей, идеалов и приоритетов. Как известно, М. М. Ковалевский, будучи членом масонской ложи, являлся твердым апологетом теории линейного прогресса человечества во всех сферах общественной жизни. Поэтому глобальный европейский конфликт не мог не пошатнуть его идеалистические представления о мире и прогрессе. Ревизия собственных духовных ценностей переплетается у М. М. Ковалевского с подчеркнута критичной оценкой европейской культуры («ее односторонность и недостаток»), в недрах которой ученый и видит одну из предпосылок «ужасного катаклизма». Еще один историк-англовед «русской школы» – П. Г. Виноградов сравнивает мировую войну с Армагеддоном [3, с. 349].

Другой историк «русской школы» Н. И. Кареев гораздо спокойнее реагирует на начало Первой мировой войны. По крайней мере, в мемуарах он описывает события этого периода достаточно лаконично и обыденно, вписывая события войны в качестве фона повседневной жизни: «А через два года после моего переселения был мой германский плен, и началась война, отразившаяся на жизни каждого из нас так или иначе» [8, с. 258].

Более спокойное восприятие начала Первой мировой войны Н. И. Кареевым в сравнении с М. М. Ковалевским, возможно, обусловлено двумя факторами. Во-первых, это хронологический фактор – время написания мемуаров. М. М. Ковалевский создавал воспоминания, будучи интернированным в Австро-Венгрии. Он описывал события, впечатления о которых были свежи в памяти и непосредственно происходили на его глазах в данный момент. Н. И. Кареев писал мемуары уже в другое время и в другой стране – Советской России, спустя многие годы после окончания мировой войны. Соответственно, события, произошедшие более десятилетия назад, с известными последствиями и итогами, уже не имели столь яркой окраски для маститого историка. Вернее даже будет сказать о том, что последующие трагические события революции 1917 г. и их последствия для страны в целом и для Н. И. Кареева в частности заслонили собой предшествующий период Первой мировой войны. Об этом Н. И. Кареев пишет: «От моего возвращения в Петербург из немецкого плена в ав-

густе 1914 г. до начала революции в феврале 1917 г. прошло два с половиной года, которые остались какими-то бледными в моей памяти: так заслонили их собой грандиозные события двух революций 1917 г.» [8, с. 261].

Во-вторых, нельзя не учитывать фактор индивидуально-психологических свойств личности историков-мемуаристов. В частности, имеет смысл сказать о различиях в темпераментах Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского. Н. И. Кареев был в большей степени типичный флегматик. Представителям этого темперамента, как правило, присущи спокойствие, невозмутимость, а также минимальное внешнее проявление эмоций по поводу происшедших событий. М. М. Ковалевский, напротив, может быть отнесен к типу сангвиника или даже холерика, которым присущ более широкий спектр эмоций и глубина их проявлений.

Но есть одно общее впечатление, которое объединяет воспоминания этих двух историков «русской школы», – внезапность, «неожиданность развернувшихся событий» [9, с. 47–48]. Н. И. Кареев по этому поводу писал: «Как задолго до 1914 г. говорили о близости Великой войны, но мало кто накануне еще думал, что война на носу» [8, с. 261].

Анализируя *повседневно-обыденный аспект* влияния Первой мировой войны на научное историческое сообщество, стоит отдельно остановиться на фактах *интернирования историков «русской школы»*. Интернирование Н. И. Кареева и М. М. Ковалевского имело место в Германии и Австро-Венгрии в 1914–1915 гг. Эти сюжеты заслуживают отдельного углубленного исследования. К примеру, своему интернированию Н. И. Кареев посвятил несколько специальных публицистических статей, подробно описав вынужденное пребывание на территории Германии в июле-августе 1914 г. [6, 7].

Говоря об общественной деятельности историков «русской школы» в годы Первой мировой войны, можно выделить два основных вектора:

– *публикационная активность ученых-историков*, связанная с проблемами мировой войны и направленная на финансовую помощь пострадавшим от последствий войны в пределах Российской империи;

– *непосредственное участие историков-ученых в общественных объединениях и организациях, государственных и межгосударственных структурах*, связанных с решением проблем, порожденных мировой войной.

К примеру, Н. И. Кареев «принял участие в Обществе для оказания помощи лазарету, устроенному в новом здании Высших Женских курсов, и, занимая в нем пост председателя, имел на своем попечении известное количество раненых» [8, с. 258–259]. П. Г. Виноградов выполнял обязанности почетного секретаря Лондонского Комитета помощи русским военнопленным, занимал должность председателя исполнительного комитета Российско-английского общества для организации лекций о сотрудничестве союзников в ходе войны [3, с. 34].

Безусловно, наиболее информативным в исследовании проблемы «ученый-историк в контексте мировой войны и мировая война в дискурсе историка» является аспект, связанный с *влиянием мировой войны на творчество историков*.

Нельзя не отметить тот факт, что именно вынужденное интернирование (при всех негативных последствиях для здоровья) на территории Австро-Венгрии послужило М. М. Ковалевскому стимулом для написания мемуаров «Моя жизнь». Причиной тому была масса свободного времени. Сам, М. М. Ковалевский писал по этому поводу: «Война застала меня в австрийском курорте и закрепила в нем на неопределенный ряд месяцев, надеюсь, не лет. Так как в интересах высшей политики мне приказано венским начальством не выходить из дому с 8 ч. вечера до 8 ч. утра, то у меня оказался немалый запас часов для воспоминаний. Книг под рукой мало, ни о какой научной работе не может быть и речи, остается перебирать прошлое. Занимаясь этим, я нашел, что в этом прошлом найдутся страницы, не лишённые значения и для оценки настоящего» [9, с. 47–48].

Н. И. Кареев достаточно подробно освещает влияние войны на свою научно-педагогическую деятельность: «По поводу начавшейся войны я написал несколько популярных статей и организовал сначала в университете, потом на Высших Женских курсах практические занятия по истории государственных границ в Западной Европе с распада монархии Карла Великого. К сожалению, занятия шли довольно-таки плохо вследствие крайней слабости географических знаний учащихся, но, работая сам над этой темой, я написал на нее целую книжку, пока оставшуюся в рукописи» [8, с. 258].

Ученый акцентирует внимание на *научной коммуникации историков* по поводу предпосылок и событий Первой мировой войны. Н. И. Кареев свидетельствует о формировании научного кружка, связанного со славянским вопросом: «Вспо-

минаю, однако, еще участие свое в небольшом кружке ученых, собиравшихся на квартире А. А. Шахматова для коллективного обсуждения славянских вопросов, связанных с войною, при участии кое-кого из сербов, чехов и поляков. Нами был намечен по этим вопросам целый ряд брошюр, из которых появилось на самом деле очень мало» [8, с. 261]. Историк отмечает, что его стремление к объективности при написании отдельных научных работ, связанных с Первой мировой войной, наталкивалось на политическую ангажированность официальной власти. Цензоры стремились не допустить в печать произведения, которые косвенным образом могли отрицательно повлиять на отношения с союзниками по Антанте. В частности, вето было наложено на публикацию Н. И. Кареева, связанную с Италией: «Одной из появившихся была моя – об итальянских притязаниях на Далмацию, где я доказывал, что у Италии нет никаких прав на эту страну и что, наоборот, есть резоны географические, этногеографические и экономические для сохранения за собою хорватами не только Фиуме, но даже и Триеста. Брошюра была напечатана, но на нее наложилось свое вето Министерство иностранных дел как на несогласную с видами правительства» [8, с. 261].

Кроме того, Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский приняли активное участие в издании сборника «Вопросы мировой войны», опубликовав в нем статьи, посвященные детальному разбору предпосылок и отдельных факторов, спровоцировавших мировую конфликт. В частности, Н. И. Кареев выступил автором сразу двух статей. В одной из них он проследил генезис международных отношений на примере союза великих европейских держав, а в другой проанализировал польский вопрос [4]. М. М. Ковалевский подробно остановился на национальном вопросе в статье «Национальный вопрос и империализм» [4].

Другой историк «русской школы» П. Г. Виноградов, будучи горячим патриотом, развернул на территории Великобритании в лекторской и публицистической форме активную агитационную, пропагандистскую деятельность, направленную на укрепление союзнических российско-британских отношений и создание положительного образа России в глазах британского общества [3]. Важно подчеркнуть, что П. Г. Виноградов, являясь историком-англоведом, специалистом по английскому праву, значительную часть своей научно-педагогической карьеры провел в Великобритании (в том числе и заклю-

чительный период жизни после революции 1917 г.). В серии статей, которые исследователь А. В. Антощенко объединил под названием «Россия и «Армагеддон», П. Г. Виноградов обращается к теме психологии российской нации, английского общественного мнения, проблеме русских военнопленных и послевоенного устройства мира [3, с. 305–377].

Отдельного анализа требует вопрос о причинах и предпосылках Первой мировой войны, особенно рельефно представленный в творческом наследии П. Г. Виноградова и М. М. Ковалевского [3, с. 342–351; 9, с. 441–485].

Таким образом, творческий, повседневный и экзистенциальный аспекты влияния Первой мировой войны на научное сообщество историков представляют собой обширную перспективу для исследования как в страноведческой плоскости, так и в проблемном поле историографии.

Библиографический список

1. Асташов, А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны [Текст] / А. Б. Асташов. – М.: РОССПЭН, 2012. – 254 с.
2. Базанов, С. Н. За честь и величие России. Забытая война [Текст] / С. Н. Базанов. – М.: Территория будущего, 2011. – 192 с.
3. Виноградов, П. Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи [Текст] / П. Г. Виноградов. – М.: Территория будущего, 2008. – 604 с.
4. Вопросы мировой войны [Текст] / Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский и др. – Пг., 1915. – 482 с.
5. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914–1918 гг. [Текст] / А. М. Зайончковский. – Т. 1–3. – М., 1938–1939.
6. Кареев, Н. И. В недавнем немецком плену [Текст] / Н. И. Кареев // Русские записки. – № 1. – С. 89–103.
7. Кареев, Н. И. Сидение в Дрездене [Текст] / Н. И. Кареев // Русские ведомости. – 1914. – № 209. – 12 сентября. – С. 2–3.
8. Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое [Текст] / Н. И. Кареев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 384 с.
9. Ковалевский, М. М. Моя жизнь [Текст] / М. М. Ковалевский. – М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.
10. Кочешков Г. Н., Новиков М. В., Никифоров Ю. С., Федюк В. П. и др. Русские генералы в Белграде: биографические очерки [Текст] / Г. Н. Кочешков, М. В. Новиков, Ю. С. Никифоров, В. П. Федюк и др. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 163 с.
11. Никифоров, Ю. С. Социокультурный контекст формирования российского историка последней трети XIX – начала XX в. [Текст] / Ю. С. Никифоров // Яро-

славский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – С. 50–56.

12. Павлов, А. Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / А. Ю. Павлов. – СПб., 2008. – 202 с.

13. Соколов, А. Б. Введение в историографию нового и новейшего времени стран Европы и США [Текст] / А. Б. Соколов. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – 242 с.

14. Уткин, А. И. Первая мировая война [Текст] / А. И. Уткин. – М., 2002. – 264 с.

15. Хавкин, Б. Л. Русский фронт Первой мировой войны (1914–1918 годы) [Текст] / Б. Л. Хавкин // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 3–16.

16. Шаццлло, В. К. Последняя война царской России [Текст] / В. К. Шаццлло. – М.: РОССПЭН, 2010. – 198 с.

17. Шубин, А. С. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000) [Текст] / А. С. Шубин. – М., 2001. – 240 с.

18. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991) [Текст] / Э. Хобсбаум. – М., 2004. – 212.

Bibliograficheskij spisok

1. Astashov, A. B. Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny [Текст] / А. В. Astashov. – М.: РОССПЭН, 2012. – 254 с.

2. Bazanov, S. N. Za chest' i velichie Rossii. Zabytaya vojna [Текст] / S. N. Bazanov. – М.: Territoriya budushhego, 2011. – 192 с.

3. Vinogradov, P. G. Rossiya na rasput'e. Istoriko-publitsisticheskie stat'i [Текст] / P. G. Vinogradov. – М.: Territoriya budushhego, 2008. – 604 с.

4. Voprosy mirovoj vojny [Текст] / N. I. Kareev, M. M. Kovalevskij i dr. – Pg., 1915. – 482 с.

5. Zajonchkovskij, A. M. Mirovaya vojna 1914–1918 gg. [Текст] / А. М. Zajonchkovskij. – Т. 1–3. – М., 1938–1939.

6. Kareev, N. I. V nedavnem nemetskom plenu [Текст] / N. I. Kareev // Russkie zapiski. – № 1. – С. 89–103.

7. Kareev, N. I. Sidenie v Drezdene [Текст] / N. I. Kareev // Russkie vedomosti. – 1914. – № 209. – 12 sentyabrya. – С. 2–3.

8. Kareev, N. I. Prozhitoe i perezhitoe [Текст] / N. I. Kareev. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. – 384 с.

9. Kovalevskij, M. M. Moya zhizn' [Текст] / M. M. Kovalevskij. – М.: РОССПЭН, 2005. – 784 с.

10. Kocheshkov G. N., Novikov M. V., Nikiforov YU. S., Fedyuk V. P. i dr. Russkie generaly v Belgrade: biograficheskie ocherki [Текст] / G. N. Kocheshkov, M. V. Novikov, YU. S. Nikiforov, V. P. Fedyuk i dr. – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2012. – 163 с.

11. Nikiforov, YU. S. Sotsiokul'turnyj kontekst formirovaniya rossijskogo istorika poslednej treti XIX – nachala XX v. [Текст] / YU. S. Nikiforov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 1. – С. 50–56.

12. Pavlov, A. YU. Skovannye odnoj tsep'yu. Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i ee soyuznikov v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [Текст] / А. YU. Pavlov. – СПб., 2008. – 202 с.

13. Sokolov, A. B. Vvedenie v istoriografiyu novogo i novejshego vremeni stran Evropy i SSHA [Текст] / А. В. Sokolov. – YAroslavl': Izd-vo YAGPU, 2007. – 242 с.

14. Utkin, A. I. Pervaya mirovaya vojna [Текст] / А. I. Utkin. – М., 2002. – 264 с.

15. KHavkin, B. L. Russkij front Pervoj mirovoj vojny (1914–1918 gody) [Текст] / B. L. KHavkin // Novaya i novejschaya istoriya. – 2014. – № 1. – С. 3–16.

16. SHatsillo, V. K. Poslednyaya vojna tsarskoj Rossii [Текст] / V. K. SHatsillo. – М.: РОССПЭН, 2010. – 198 с.

17. SHubin, A. S. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne. Istoriografiya problemy (1914–2000) [Текст] / А. S. SHubin. – М., 2001. – 240 с.

18. KHobsbaum, EH. EHpokha krajnostej: korotkij dvadtsatij vek (1914–1991) [Текст] / EH. KHobsbaum. – М., 2004. – 212.